

Д.В. Долгушин

РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИОСОФСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ В.А. ЖУКОВСКОГО И Ф.И. ТЮТЧЕВА

Работа выполнена при поддержке РФФИ. Совместный конкурс РФФИ – Императорское Православное Палестинское Общество № 15-64-01001.

Предлагаемая статья является первым опытом систематического сравнительного исследования историософских взглядов В.А. Жуковского и Ф.И. Тютчева. Оба трактуют революцию не как общественно-политическую, а как метафизическую силу. Для спасения от нее Тютчев считал необходимым создание Греко-славянской империи, а Жуковский – осуществление «Иерусалимского проекта». Оба замысла генетически связаны с внешнеполитическими проектами Российской империи: один – с «греческим проектом», другой – со Священным Союзом.

Ключевые слова: В.А. Жуковский; Ф.И. Тютчев; историософия; русский романтизм; Наполеон; Иерусалимский проект; греческий проект.

Жизненные и творческие пути В.А. Жуковского и Ф.И. Тютчева пересекались неоднократно, и эти пересечения уже становились предметом внимания исследователей [1, 2]. Довольно многочисленны работы, посвященные сравнению различных мотивов творчества этих русских поэтов (см., например: [3–8]), имеются и работы, посвященные общим темам их жизненной философии [9]. Цель настоящей статьи – сравнить историософские концепции Тютчева и Жуковского.

И тот и другой обратились к интенсивной историософской рефлексии почти в одно и то же время, в 1840-е гг., в сходных исторических и биографических обстоятельствах. Оба значительную часть своей жизни провели на Западе, где оказались особенно тесно связаны с немецкой культурой и чувствовали себя, по выражению Жуковского, «шпионами времени» [10. Т. 6. С. 510], наблюдателями эпохи, одновременно и отстраненными от европейских событий, и вовлеченными в них. Оба поэта в 1840-е гг. пытались оказывать влияние на формирование внешней политики Российской империи. Жуковский делал это, излагая свои мнения в письмах великим князьям Александру и Константину Николаевичам, Тютчев – в письмах А.Х. Бенкендорфу и аналитических записках Николаю I. И тот, и другой примеряли на себя роль посредника между русским правительством и немецкой прессой. Тютчев в 1844 г. с санкции А.Х. Бенкендорфа опубликовал в Мюнхене во «Всеобщей газете» («Allgemeine Zeitung») «Письмо русского» и брошюру «Россия и Германия»¹; Жуковский в 1849 г. в приложении к той же «Allgemeine Zeitung» с разрешения императора Николая Павловича, издал статью «Русская и английская политика».

Нужно сказать, что 1840-е гг. стали для Жуковского и Тютчева и временем личного сближения. Они были знакомы еще с 1817–1818 гг., когда юный Тютчев встречался с Жуковским в Москве. Встречались они и в Мюнхене во время поездки Жуковского на лечение за границу в 1827 г. Но эти мимолетные встречи переросли в более-менее близкие отношения только в 1838 г., в драматических для Тютчева жизненных обстоятельствах. 27 мая 1838 г. в Турине

умерла его жена Элеонора, смерть которой он пережил крайне горестно, посев за одну ночь, проведенную у ее гроба. В эту «самую горькую, самую нестерпимую минуту» [11. Т. 4. С. 113] жизни Тютчев искал встречи с Жуковским, в то время путешествовавшим в свите наследника престола по Италии, надеясь получить от свидания с ним «некое облегчение» [Там же]. В то время он открыл для себя трагическую мудрость строк, услышанных им от Жуковского еще в детстве: «в жизни много прекрасного и кроме счастья» [Там же]². В течение пятнадцати дней пребывания Тютчева в Комо и Милане осенью 1838 г. поэты виделись не менее восьми раз [14. С. 476], затем встретились в других городах Италии. На Жуковского Тютчев произвел тогда сильное впечатление. «Я прежде знал его ребенком, а теперь полюбил созревшим человеком, – писал Жуковской тетке Тютчева Н.Н. Шереметевой. – <...> Он человек необыкновенно гениальный и весьма добродушный, мне по сердцу» [Там же].

В июле – августе 1847 г. Тютчев и Жуковский вместе проводили время в Эмсе и во Франкфурте-на-Майне, «с утра до вечера болтая о всевозможных вещах» [11. Т. 4. С. 432], в частности, обсуждая сделанный Жуковским перевод первых двенадцати песен «Одиссеи»³. Между тем вскоре на первый план и для того и для другого поэта вышли впечатления совсем не литературные. Спустя несколько месяцев после их эмских встреч в Европе разразилась революция 1848 г. Оба поэта посвятили многие страницы своих статей и писем историософской интерпретации революционных событий⁴. Начнем разговор об этом с Тютчева.

Как известно, под Революцией (именно так, с большой буквы он пишет это слово) Тютчев понимал не просто политическое движение, добывающееся социальных преобразований, не «волнения, восстания, баррикады, смену правительств или новые конституции» [15. С. 22], а особое мировоззрение, особую духовную силу – антихристианскую по своей сущности. «Революция же прежде всего – враг христианства»⁵. Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное свойство» [11. Т. 3. С. 144]. В противоположность христианскому

«смирению и самоотвержению», Революция основана на «гордости и превозношении», на убеждении в том, что «всякая власть исходит от человека, а всякий авторитет, ставящий себя выше человека, есть либо иллюзия, либо обман. Одним словом, это апофеоз человеческого я в самом буквальном смысле слова» [11. Т. 3. С. 180].

Тютчев был полон катастрофических предчувствий. Ему казалось, что он живет на сломе эпох, когда Европа делается похожей на готовую к разрушению храмину, на стене которой уже проступают роковые письмена: *мене, текел, перес*. «Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре – Европа Карла Великого и Европа трактатов 1815 г., римское папство и все западные королевства, Католицизм и Протестантизм, уже давно утраченная вера и доведенный до бессмыслия разум, невозможный отныне порядок и невозможная отныне свобода. А над всеми этими развалинами, ею же нагроможденными, цивилизация, убивающая себя собственными руками...» [Там же. С. 157].

Жуковский пишет о революции почти в тех же терминах, что и Тютчев. И для него революция – это не столько социально-политическая, сколько нравственная, вернее – безнравственная, реальность, проявление антихристианского буйства и своеволия: «...та революция, которая бесится перед глазами нашими, есть не иное что, как отвратительное детище эгоизма» [10. Т. 6. С. 588], «дерзкое неприятие участия Всевышней Власти в делах человеческих» [16. С. 116], «нестройное зло буйством человеческим произведенное». «Всё бунтует – и бунтует не против злоупотребления власти, а против самой ее сущности, против узды, налагаемой ей на разврат воли, на безумие страстей, на безверие; хотят не изменения и не преобразования, а просто уничтожения всякой границы» [17. С. 430].

Подобный подход к пониманию революции как силы антихристианской *rag excellence* сказался на образной системе стихотворений «К русскому великану» и «Море и утес» – этого поэтического диптиха Жуковского и Тютчева. Стихотворение «К русскому великану» было написано Жуковским летом 1848 г. и тогда же переслано в Россию П.А. Вяземскому для публикации. Вяземский прочитал его П.А. Плетневу и Ф.И. Тютчеву (жившему тогда уже в Петербурге), и Тютчев в дополнение к стихотворению написал свое – «Море и утес». То, что оно написано в *pendant* к тексту Жуковского, Тютчев не только не скрывал, но и подчеркивал, опубликовав последнюю строфу «Моря и утеса» в «Русском инвалиде» сразу вслед за стихотворением «К русскому великану» (см.: [18. С. 734–735]).

Система образов обоих стихотворений основывается на одной и той же аллегории: волны разбушевавшейся водной стихии, под которой понимается революция, оказываются не в силах сокрушить утес или великана. Обычно в великане из стихотворения Жуковского видят аллегорию России и самодержавия. Т. Гузаиров выдвигает аргументированное предположение о том, что под ним следует понимать И.Ф. Паскевича – командующего русской армией, прикрывавшей западные границы империи (см.: [19. С. 97]). Однако если присмотреться к этому образу внимательнее,

то обнаружатся не очень согласующиеся с такой трактовкой черты. Жуковский обращает к великану следующие слова:

Ты же, бездны господин,
Мощный первенец творенья,
Стой среди всевозмущенья
Недоступен, тих, один;
Волн ругательные визги
Ветр, озливший их, умчит;
Их гранит твой разразит,
На тебя нападших, в брызги!

К русскому великану, 1848 [18. С. 335].

Вряд ли Россию или, тем более, И.Ф. Паскевича можно назвать «первенцем творенья». Что означает это выражение? Оно встречалось в русской поэтической речи и раньше. И первым его употребил, кажется, именно Тютчев – в своем переводе шиллеровской «Оды к радости»:

Радость, первенец творенья,
Дщерь великого Отца,
Мы, как жертву прославления,
Предаем тебе сердца!

Песнь радости (из Шиллера), 1824 [11. Т. 1. С. 40].

Затем его использовал в «Демоне» М.Ю. Лермонтов. Жуковскому наверняка были известны оба этих текста, но в 1840-е гг. для него был более важен библейский контекст. В Библии интересующее нас выражение встречается в 15-м стихе первой главы Послания к Колоссянам, где Иисус Христос именуется «*πρωτότοκος πάσης κτίσεως*» («*πρωτότοκος*» («первенец») в соответствии с библейской символикой здесь следует понимать не в смысле последовательности рождения, а в смысле главенства и власти, которые были связаны в Ветхом Завете с правами первородства).

Этот стих мог привлечь внимание Жуковского в связи с его работой над статьей «Две сцены из “Фауста”» летом 1848 г., т.е. в тот же период, когда он писал стихотворение «К русскому великану». В таком случае можно предположить, что в образе великана имеются христологические черты, и аллегорию, предложенную Жуковским, следует понимать как изображение революции, неистово, но бессильно ополчающейся на Христа, что вполне согласуется с приведенной выше концепцией революции как антихристианской силы⁶.

Следует только сделать оговорку, что христологические черты в образе великана не являются преобладающими. Скорее, они сохранились как часть первоначального замысла, от которого Жуковский отказался в ходе работы над текстом стихотворения. По замечанию Ф.З. Кануновой [18. С. 733], авторская правка, сохранившаяся в черновике, свидетельствует, что доработка текста была направлена на придание стихотворению «национального смысла», на что красноречиво указывает и смена названия – первоначальное «К великану» было изменено на «К русскому великану». Тем интереснее, что немногие сохранившиеся в стихотворении христологические мотивы оказались замечены и усилены Тютчевым, который акцентирует именно религиозное интонирование образов Жуковского.

Эта чувствуется уже в первой строфе «Моря и утеса», где Тютчев вслед за Жуковским описывает бунтующую воду-революцию как стихию откровенно инфермальную:

И бунтует и клокочет,
Хлещет, свищет и ревет –
И до звезд допрыгнуть хочет,
До незыблемых высот...

Море и утес, 1848 [11. Т. 1. С. 197].

Эти стихи отсылают к знаменитому месту из книги пророка Исайи: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: “взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горé в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему”. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Ис. 14, 12–15)⁷. Приведенные слова (по буквальному смыслу библейского повествования обращенные к вавилонскому царю) в христианской экзегезе еще со времен Тертуллиана принято толковать как указание на падение дьявола, пытавшегося «допрыгнуть до звезд» – вознестись выше Бога, но ниспавшего в преисподнюю.

Во второй половине первой строфы тема инферальной природы бунта становится еще более явной:

Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огонь геенский разложила –
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?

Море и утес, 1848 [Там же].

Появляющийся во второй строфе образ утеса (соответствующий образу великана у Жуковского) также может быть соотнесен с библейским, христологическим, контекстом. «Неподвижный, неизменный, / Мирозданию современный» [Там же], утес несокрушимо стоит под натиском волн, отступающих перед его спокойной силой:

Но о камень неизменный
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И струится мутной пеной
Обессиленный порыв...

Море и утес, 1848 [Там же].

В Евангелии от Луки Христос называет Себя «камнем, который отвергли строители» и который «сделался главою угла»: «...всякий, кто упадет на тот камень, разобьется» (Лк. 20, 17–18). Так и волны в стихотворении Тютчева разбиваются о несокрушимый камень-утес.

Еще более прямая аллюзия на библейский контекст обнаруживается в последней строфе:

Стой же ты, утес могучий!
Обожди лишь час, другой –
Надоест волне гремучей
Воевать с твоей пятой...
Утомясь потехой злою,
Присмирееет вновь она –
И без вою, и без бою
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна...

Море и утес, 1848 [Там же].

Фигурирующий здесь образ «пяты» отсылает к знаменитому «первоевангелию» – пророчеству, содержащемуся в 3-й главе книги Бытия, о том, что змей, соблазнивший Адама и Еву (т.е. дьявол), будет побежден и раздавлен одним из их потомков: «И сказал Господь Бог змею: <...> вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт. 3, 14–15). Эти слова экзегеты традиционно толковали как пророчество о Христе, победившем власть греха и смерти. В стихотворении Тютчева утес тоже оказывается победителем: несмотря на то что волны пытаются «воевать с его пятой», он укрощает их.

Таким образом, можно сказать, что стихотворение Тютчева – это поэтическое толкование стихотворения Жуковского, и толкование именно религиозно-философское, акцентирующее мотив противоборства между христианством и революцией как двумя метафизическими силами. Но вернемся к прозаическим текстам наших поэтов.

Еще в 1833 г. в письме вел. кн. Александру Николаевичу из Швейцарии Жуковский утверждал, что мощь христианства состоит в непрерывной постепенности его воздействия на человечество: «...истекающая из него образованность медленным, но постоянным своим действием все приводит в равновесие» [10. Т. 5. С. 476]. Именно в этом «тихом ходе благотворящей правды» заключается суть прогресса, цель которого – восхождение народа «в определенное свыше для него человеческое и гражданское достоинство» [21. С. 51]. Усовершенствование жизни происходит последовательно и неторопливо. Прошлое, настоящее и будущее соединены цепью традиции, из которой нельзя изъять ни одного звена. Будущее непрерывно рождается в каждой минуте настоящего, разрыв континуума губителен, разрушение настоящего всегда приводит к разрушению будущего. «Движение тихое есть *порядок* и *благоденствие*, движение насильственное есть *революция*; а всякая революция губит *настоящее* в пользу *будущего*, которого никогда не бывает таким, каким хотят создать его разрушители настоящего» [Там же. С. 40].

По мнению Жуковского, опасность революции в том, что революция – это всегда разрыв и прерыв, нарушения преемства. Противоположным революции началом являются предание, традиция. Тютчев придерживается такого же мнения, однако осмысляет проблему традиции на более широком, чем Жуковский, историческом материале.

Он исходит из того, что традиция выражается в двух устоях европейской цивилизации – в Церкви и Империи, которые неразрывно связаны друг с другом: «...нельзя отрицать христианскую Империю без отрицания христианской Церкви. <...> В обоих случаях происходит отрицание *традиции*»⁸ [22. С. 94].

Тютчев считал Империю неизменной, вечной реальностью мировой истории, ее политической константой. В этом он следовал известному учению о том, что ход исторических событий определяется сменой всемирных монархий: Ассирии, Персии, Македонии, Рима, последовательно передающих друг другу вселенскую власть. Учение это опирается на

экзегезу 2-й и 7-й глав книги пророка Даниила⁹. В христианском богословии оно встречается впервые у св. Ипполита Римского, затем – у Евсевия Кесарийского, св. Иоанна Златоуста, св. Ефрема Сирина и др. С IX–XI вв. теория «переноса Империи» («*translatio imperii*») распространилась на Западе¹⁰.

Тютчев развивает один из вариантов этой теории. «L'Empire ne meurt pas. Il se transmet» [11. Т. 3. С. 90]¹¹, – пишет он. «Вселенская Монархия – это Империя. Империя же никогда не прекращала своего существования. Она только переходила из рук в руки» [Там же. С. 198]. После обращения ко Христу императора Константина Великого, считает Тютчев, началась следующая после Римской «Пятая Империя», «Империя Христианская». Судьбы ее неразрывно связаны с Церковью, которая, «освятив Империю, присоединила ее к себе» [Там же]¹². Тютчев называет Христианскую Империю «последней и окончательной», считает, что она сохранится до конца мировой истории, а если же погибнет, то погибнет и земной мир. Законная власть в ней наследуется в чреде преемников Константина Великого – византийских императоров, а потом и русских самодержцев (очевидно, моментом преемственности Тютчев считал брак Ивана III с Софией Палеолог, а также принятие московскими князьями герба Палеологов и царского титула).

Запад неоднократно пытался узурпировать, «перехватить», «похитить» Империю. Первая такая попытка самовольной имперской реставрации была предпринята Карлом Великим, затем – Оттоном Великим, Карлом V, Людовиком XIV и, наконец, Наполеоном. Но созданные ими государства были лишь слабыми подражаниями, бессильными пародиями на истинную Империю – «самообманом и мистификацией» [Там же. Т. 4. С. 348]. Они не могли бы сопротивляться Революции, ибо в самих себе несли ее яд – своеволие, так как не были легитимными и не принадлежали *традиции*, «преемственно связанной с наследием Константина» [Там же. Т. 3. С. 196].

Особенно показательна в этом отношении империя Наполеона. Наполеон, казалось, победил Революцию, де-факто водворив монархию во Франции. Он провозгласил себя императором французов. Но его империя нелегитимна, своевольна, а потому бессильна в самом своем основании. «История его коронавания – это символ всей его истории» [Там же. С. 197], – считает Тютчев, имея в виду эпизод, когда во время коронации Наполеон вырвал корону из рук Римского папы и сам возложил ее себе на голову. Уже одним фактом самопровозглашения и узурпации власти Наполеон нес в себе родовое проклятие своей матери – революции¹³, ее «гордости и превозношения» и потому оказывался заранее обречен на поражение от нее:

Сын Революции, ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил – и изнемог в борьбе...
Не одолел ее твой гений самовластный!..
Бой невозможный, труд напрасный!..
Ты всю ее носил в самом себе...

Наполеон, ч. I, 1850 [Там же. Т. 1. С. 219].

Столкновение между Наполеоном как олицетворением революционного своеволия и Россией как легитимной христианской империей было неизбежным.

Тютчев писал: «Поразительно, личный враг Наполеона – Англия. И тем не менее, <разбился-то> он об Россию. Ибо именно Россия была его истинным противником – борьба между ними была борьбой между законной Империей и коронованной Революцией» [11. Т. 3. С. 197]. И борьба эта завершилась падением Наполеона:

Он был земной, не божий пламень,
Он гордо плыл – презритель волн, –
Но о подводный веры камень
В щепы разбился углый челн¹⁴.

Наполеон, ч. II, 1848 [Там же. Т. 1. С. 219].

Образ «камня веры», о который разбивается Наполеон, напоминает не только о «неизменном камне» из стихотворения «Море и утес» с его аллюзиями на Лк. 20, 17–18, но и российскую политическую риторику 1812–1815 гг., в частности манифесты Александра Первого, написанные А.С. Шишковым. Натиск Наполеона в них уподоблялся свирепым волнам, а народные твердость и вера – камню, эти волны сокрушающему. Так, в манифесте от 5 февраля 1813 г. Шишков вкладывает в уста императора следующее обращение к русским войскам: «Вы мужеством и храбростию своею показали свету, что где Бог и вера в сердцах народных, там, хотя бы вражеские силы подобны были волнам Океяна, но все они о крепость их, как о твердую непоколебимую гору, рассыплются и сокрушатся: из всей ярости и свирепства их останется один только стон и шум погибели» [25. С. 79]. В «Известии о сражении, происшедшем под Лейпцигом октября 4 и 5 числа 1813 года» Шишков уже от своего лица писал: «...в прошедшем году видели мы, русские, обширную страну нашу бесчисленными неприятельскими силами наводненную. Казалось, свирепое море сие горами волн своих покроет и поглотит нас. Кто мог поставить им оплот? сомнительна была надежда и трудно спасение. Мы стояли на краю гибели и с нами гнила вся Европа. Но крепок и силен человек упованием на Бога. Не проходит четырех месяцев, как грозные волны сии, сокрушась о камень твердости народной, и попираемые сильною грудью войск наших, с таким ужасом текут назад, с какою лютою к нам стремились; текут, одна другую давит, и все погибают» [25. С. 181].

Эти тексты, конечно, вряд ли были известны Тютчеву, который в 1812 г. был совсем ребенком, но они были наверняка памятны Жуковскому, непосредственному свидетелю и участнику эпохи наполеоновских войн, и могли оказать влияние на систему образов стихотворения «К русскому великану». Вообще, для Жуковского в 1840-е гг. наполеоновская тема чрезвычайно важна. В его религиозно-философской и политической прозе этого времени Наполеон «выступает символом великого нарушения вечных законов бытия, за которое десятилетиями расплачиваются его потомки. С точки зрения Жуковского, именно первая французская революция и «завоевательный деспотизм Наполеона» пробудили самоубийственный деспотизм народного самодержавия», узаконили «дух буйства» и поколебали самое «основание гражданского порядка» – религию, уважение власти, покорность долгу, публичную и част-

ную правду» [26. С. 343]: Наполеон вызвал дух мятежа из мрачных подземелий истории, освободив его от оков, наложенных на него христианством, – и кто теперь сможет укротить этого дикого зверя народного помешательства, который крамолой и бунтом мечется по дрожащей от страха Европе? Россия некогда стала таким змеборцем, в 1812 г. она смогла хотя бы на краткое время загнать дракона своеволия и революции обратно в логово. В 1830 г. он вновь показал свой оскал, а теперь, в 1848 г., хищник опять на свободе!

По мнению Тютчева, кроме Империи Революции могла бы противостоять Церковь. Но и она на Западе оказалась отравлена Революцией изнутри. Римская Церковь, считал Тютчев, ослабила себя еще в Средние века, когда пошла по пути властолюбивых притязаний на политическое господство, превратившись из «общества верующих, свободно соединившихся в духе и истине под Христовым законом», в «политическое учреждение, политическую силу, Государство в Государстве», в «римскую колонию, устроенную на завоеванной земле» [11. Т. 3. С. 163]. «Исказив христианство» [Там же. С. 131], Папство породило Реформацию, а Реформация есть не что иное, как открытое явление Революции в церковной сфере, Григорий VII и Лютер – не кто иные, как «славные учителя» [Там же. С. 162] Революции.

Ни Церковь, ни Империя в Европе не могут справиться с Революцией, поскольку сами заражены ее ядом, полагал Тютчев. Разрушительное революционное начало проникло, так сказать, во все поры европейской цивилизации. Оно накапливалось на протяжении веков. Теперь, в XIX в., наступает развязка.

По мысли Тютчева, спасти христианский мир может только Россия. Она – легитимная наследница законной Империи, хранительница Вселенского Православия. Только Россия в силах противостоять всеразрушающей революционной смуте. Но исход ее противостояния Революции неизвестен, так как Россия пока еще не вступила в права «византийского наследства», пока еще не осуществила своего исторического призвания. Современная Россия – это только эскиз, набросок «Восточной Империи», которой она призвана стать в своем «окончательном виде» [Там же. С. 196]. Для того чтобы это осуществилось, необходима реализация политического проекта – присоединение к России Греции, Константинополя, а также славянских земель, находящихся под властью австрийцев и турок.

Если это произойдет, осуществляются «два великих провиденциальных факта», которые закончат «на Западе революционное междуцарствие трех последних веков» и положат «начало в Европе новой эре»:

«Вот эти два факта:

1) окончательное образование великой Православной Империи, законной Империи Востока – одним словом, России ближайшего будущего, – осуществленное поглощением Австрии и возвращением Константинополя;

2) объединение Восточной и Западной Церквей.

Эти два факта, по правде говоря, составляют лишь один, который вкратце можно изложить так:

Православный Император в Константинополе, повелитель и покровитель Италии и Рима.

Православный Папа в Риме, подданный Императора» [11. Т. 3. С. 201].

Тогда Россия станет Империей трех столиц и семи морей. В стихотворении «Русская география» (1848–1849) Тютчев пишет:

Москва и град Петров, и Константинов Град –
Вот царства Русского заветные Столицы...
Но где предел ему? и где его границы –
На север, на восток, на юг и на закат?...
Грядущим временам судьбы их обличат...

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат; от Ганга до Дуная...
Вот царство Русское... и не пройдет вовек,
Как то провидел Дух, и Даниил предрек

[Там же. Т. 1. С. 200].

Фактически, Тютчев ратует за реализацию задуманного еще при Екатерине II «греческого проекта» – геополитического замысла, предполагавшего раздел Османской империи и возрождение Византии («Греческой монархии») со столицей в Константинополе (на византийский престол Екатерина прочила своего внука Константина, специально получившего имя в честь Константина Великого). В последующем этот проект в своем исходном виде не осуществился, но на протяжении десятилетий продолжал владеть умами многих, в том числе и Тютчева. Впрочем, Тютчев был более радикален, чем авторы «греческого проекта». Если «греческий проект» предполагал создание хоть и покровительствуемой Россией, но все же самостоятельной «Греческой монархии», то Тютчев вел речь о единой империи, в которую должны были войти не только греческие и славянские земли, но даже Италия с Римом и в которой осуществится соединение церквей. В возникновении такого государства Тютчев видел единственный выход для Европы, загнанной в тупик Революцией.

Жуковский о подобных замыслах Тютчева, скорее всего, не знал (они содержатся, главным образом, в трактате «Россия и Запад», который так и не был дописан Тютчевым), но если бы узнал, то, без сомнения, был бы резко против.

Мечта о возрождении Византии, которая так влекла Тютчева, у Жуковского вызывает полное отторжение. В письме вел. кн. Константину Николаевичу от 21 октября (2 ноября) 1845 г. Жуковский с некоторым ужасом восклицает: «Нет, избави Бог нас от превращения Русского царства в империю Византийскую»¹⁵ [21. С. 50]. По мнению Жуковского, Константинополь России не нужен: «...не брать и никому не давать Константинополя, этого для нас довольно. Нет, Россия для ее блага, для ее истинного величия, не нужно внешнего ослепительного великолепия; ей нужно внутреннее, не блистательное, но строго-постоянное, национальное развитие» [21. С. 50]. Дальнейшее территориальное расширение для России губительно, все необходимые территориальные приобретения она уже сделала. «Лучше тех границ, которые теперь имеет Россия, и выдумать ей невозможно (хотя, впрочем, и теперь

уже есть для нее бедственные излишки); но горе, если мы захотим распространяться!» [Там же. С. 51].

Таким образом, Жуковский, в прямую противоположность Тютчеву, не только не призывает к присоединению новых земель, но и настойчиво предостерегает от этого. Однако сходство с Тютчевым все же есть – оно заключается в том, что лекарство от революции, Жуковский, как и Тютчев, видит в реализации определенной геополитической комбинации – а именно придуманного им «Иерусалимского проекта»¹⁶.

Этот проект Жуковский изложил в письмах вел. кн. Константину Николаевичу и вел. кн. Александру Николаевичу 1849–1850 гг. Основная мысль его состоит в том, чтобы Николай I, воспользовавшись подходящим моментом (в 1848 г. русские войска вошли в Дунайские княжества, и турки смирились с этим), предложил султану передать Иерусалим под управление христианских государств Европы. Султан не мог бы отказаться от выполнения этого требования, европейские государи не решились бы его дезавуировать, и Святой Град бескровно и мирно вернулся бы под власть христиан – причем не под власть какой-либо одной христианской страны, но под власть всего христианского мира, а вернее – под власть Самого Христа. «Святой Гроб Спасителя и святой град, его в себе заключающий, должны принадлежать не России, не Англии, не Франции и пр. с одной стороны, и не туркам с другой: – они должны принадлежать Богу Спасителю. Христианские державы должны благоговейно принять их под свою общую защиту» [Там же. С. 81–82].

Последствия этого были бы неисчислимы – и для нравственного преобразования Европы, и для установления прочного мира, и для излечения Запада от революционного яда. После осуществления «Иерусалимского проекта», считает Жуковский, начнется новая эра. Распахнуть дверь в эту новую эпоху должна именно Россия, в отличие от Европы сохранившая в неповрежденности два спасительных принципа – христианскую веру и самодержавие. Мы позволим себе привести обширную цитату из письма Жуковского вел. кн. Константину Николаевичу, в которой суть «Иерусалимского проекта» и мечта о новой эпохе излагаются в точных словах и запоминающихся образах. Тщательная выветренность этого текста свидетельствует о том, что Жуковский рассчитывал на буквальную реализацию своих замыслов во внешней политике России и, вероятно, предполагал, что его письмо будет прочитано не только Константином Николаевичем, но и его отцом, императором Николаем I:

«Такое великое дело должно принадлежать России! Она, она должна внести такое событие в летопись человечества; она – законная наследница первобытного Христианства. И с совершением такого дела начнется новый период ее всемирного призвания. Это призвание есть восстановление Церкви в ее первобытной чистоте и святости, восстановление не мечом, не притеснением, не ужасами нетерпимости, а великим примером чистой, самоотверженной, вселюбящей Веры. И действие на современный мир такого события было бы несказанное – не политическое, а чисто нравственное. Политика в наше время сбилась с пути от разрушительных доктрин, которыми все основные

понятия, составляющие прочность и условие общественного порядка, опрокинуты. Никакая нравственная сила не восстановит разрушенного. Материальная сила пушек сладила с бунтом; но этот бунт есть только симптом, есть проявление той болезни, которою страдает политическое тело и которая должна наконец сделаться неизлечимою и смертельною. Пушки – один только паллятив. Они могут восстановить на время порядок, но они его не установят. Для этого нужно радикальное лекарство нравственности и веры. В какой аптеке можно составить это лекарство? Все теперь существующие аптеки употребляют яд для своих микстур; да если бы и удалось составить лекарство спасительное, то трудно будет принудить больного его выпить: он чахнет от безверия и безнравственности (известно, что все чахотные не думают, чтобы их болезнь была опасна). Происшествие, в котором бы выразилось вдруг, перед глазами народов, благоговение к отвергнутой ими святыне и выразилось бы в действиях представителей власти верховной, произвело бы конечно целительное действие на души, страдаемые недугом, их изнуряющим. Это тем более вероятно, что теперь произошел уже перелом болезни: везде заметно тревожное чувство, похожее на тоску по отсутствующей святыне, ощущение утраты, желание возратить утраченное. Но это чувство темное. Сердца в окаменении. Надобно каким-нибудь сильным ударом выбить из этого камня искры веры, и ни в чьей руке огниво для произведения такого удара не будет так действительно, как в чистой и могучей руке Царя Русского» [21. С. 83–84].

Таким образом, Жуковский сходится с Тютчевым в диагнозе, который он ставит современному положению вещей (революция – антихристианская сила, Европа охвачена ей; Россия же может ей сопротивляться, поскольку является носителем двух способных противостоять революционному натиску начал – неповрежденной христианской веры и непоколебленного самодержавия; Россия должна спасти Европу от революции), однако резко расходится с ним в выборе методов лечения.

Фактически Жуковский, в противоположность Тютчеву, является сторонником не «греческого проекта», а другого, соперничавшего с ним, концептуального проекта российской внешней политики XIX в. – Священного Союза, но не в той циничной легитимистской интерпретации, которую дал Священному Союзу Миттерних, превративший Священный Союз в орудие борьбы с народными движениями, а в его изначальном религиозно-мистическом замысле, которым вдохновлялся Александр I, видевший в Священном Союзе братский альянс христианских монархов, решившихся водворить в Европе христианское царство и воцарить в ней Самого Христа, незримо присутствующего в их совете. Эта утопия Александра не осуществилась. Жуковский пытался возродить ее, правда в несколько урезанном виде: если не удалось воцарить Христа в Европе, то пусть хотя бы Иерусалим станет пристанищем чаемого христианского царства, единения народов и всеобщего мира, отблеском неба на земле.

Соотнесенность историософии Тютчева и Жуковского с указанными выше традициями внешней политики объясняет публицистическую активность того и другого в 1840-е гг. Николай I в 1820–1830-е гг. пытался балансировать между следованием принципам

Священного Союза и принципам «греческого проекта», и долгое время «это ему удавалось» [28. С. 48]. Но в 1840-е гг. обстоятельства привели к тому, что необходимо было делать выбор. И Жуковский, и Тютчев хотели на этот выбор повлиять.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ср. «Записку», в которой Тютчев предлагал императору Николаю I свои услуги в качестве организатора «русской печати» за границей [11. Т. 3. С. 68].
- ² Это изречение (подробнее о нем см.: [12. С. 593]; см. также: [2, 13]) и вообще свое детское общение с Жуковским Тютчев воспринимал как своего рода эпиграф к своей жизни. Хотя его встречи с Жуковским были довольно редки, внутренне он придавал им огромное значение. Показательно, что на смерть Жуковского Тютчев откликнулся тремя стихотворениями, последнее из которых было написано им уже на смертном одре в полупарализованном состоянии, за три месяца до его собственной кончины.
- ³ Благодаря этим разговорам Тютчев, по его собственному выражению, «вновь обрел давно уже уснувшую <...> способность полного и искреннего приобщения к чисто литературному наслаждению» [11. Т. 4. С. 432].
- ⁴ Для Тютчева – это статьи «Россия и Германия», «Россия и Революция», «Римский вопрос», трактат «Россия и Запад», для Жуковского – статьи «Что будет?», «Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”», «О происшествии 1848 г. Письмо к графу Шку». Особенно важна переписка В.А. Жуковского с великими князьями Александром Николаевичем и Константином Николаевичем 1830–1840-х гг.
- ⁵ «La Révolution est avant tout anti-chrétienne» [11. Т. 3. С. 42].
- ⁶ Более подробный анализ этого образа из стихотворения Жуковского сделан мною в статье «На кратере вулкана: В.А. Жуковский и революция 1848 г.» в журнале «Studi Slavistici» (в печати).
- ⁷ Цитируем в синодальном переводе, не существовавшем в 1840-х гг. Тютчев, скорее всего, читал Библию на французском или немецком (на этих языках он чаще всего говорил в быту), но, может быть, и на церковнославянском языке, который с детства был столь же привычен Тютчеву, как и французский. В семействе его родителей, по свидетельству И.С. Аксакова, «почти исключительно господствовал французский язык, так что не только все разговоры, но и вся переписка родителей с детьми и детей между собою, как в ту пору, так и потом, в течение жизни, велась не иначе как по-французски. Это господство французской речи не исключало однако у Екатерины Львовны (матери Ф.И. Тютчева. – Д.Д.) приверженность русским обычаям и удивительным образом уживалось рядом с церковнославянским чтением псалтирей, часословов, молитвенников у себя, в спальне, и вообще со всеми особенностями русского православного и дворянского быта» [20. С. 10].
- ⁸ «On ne peut nier l'Empire chrétien sans nier l'Eglise chrétienne. <...> Dans les deux cas c'est nier la tradition» [11. Т. 3. С. 93].
- ⁹ Толкование пророком Даниилом сна Навуходоносора об истукане, голова которого золотая, грудь и руки – серебряные, чрево и бедра – медные, ноги – отчасти железные, отчасти глиняные (Дан. 2, 27–45), и описание видения Даниила о четырех зверях, вышедших их моря (Дан. 7, 1–28).
- ¹⁰ См. обзор различных позднеантичных и средневековых вариантов теории мировых монархий в сравнении с историософией Тютчева в книге Н.В. Синецкой [23. С. 16–21].
- ¹¹ «Империя бессмертна. Она передается» [11. Т. 3. С. 195].
- ¹² «L'Eglise, en consacrant l'Empire, se l'est associé» [11. Т. 3. С. 93].
- ¹³ Мысль о том, что Наполеон был сыном революции, сражавшимся со своей матерью, Тютчев заимствовал, скорее всего, из «Замогильных записок» Ф. Шатобриана (см.: [24]).
- ¹⁴ Заметим, что по наблюдению А.Л. Осповата и О. Ронена, эти строки были написаны, скорее всего, «почти одновременно» с «Морем и утесом» (см.: [7]).
- ¹⁵ Если бы Петр I «овладел на Босфоре великолепным Царьградом» и перенес столицу не в Петербург, а туда, то «русские цари исчезли бы для России за стенами султанского сераля, вновь обращенного во дворец Византийских властителей» [21. С. 50].
- ¹⁶ Термин введен Т. Гузайровым (см.: [19. С. 103–113]). Об Иерусалимском проекте см. также: [27].

ЛИТЕРАТУРА

1. Касаткина В.Н. Ф.И. Тютчев и В.А. Жуковский: (По письмам и дневникам) // Взаимодействие творческих индивидуальностей русских писателей XIX – нач. XX в. : межвуз. сб. науч. тр. М.: МПГУ, 1994. С. 3–19.
2. Осповат А.Л. Жуковский в биографии Тютчева // Четвертые Тынъяновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига : Зинатне, 1988. С. 15–16.
3. Абузова Н.А. «Суточный цикл» в русской поэзии: вечер – ночь (Жуковский, Тютчев) // Культура и текст – 2005 : сб. науч. тр. междунар. конф. Т. 1. Барнаул : Изд-во АлтГПА, 2005. С. 122–131.
4. Берневега С.И. Лексические повторы в русской лирической поэзии XIX в. (В. Жуковский, Ф. Тютчев, Я. Полонский, А. Фет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 20 с.
5. Шапурина А. Натурфилософская лирика Ф.И. Тютчева в контексте поэтической эпохи 1820–1830-х гг. // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина 2014. № 3. С. 84–95.
6. Канунова Ф.З. «К русскому великану» Жуковского и «Море и утес» Тютчева: (Об общественной и историко-культурной концепции поэтов) // Время и текст: историко-литературный сборник / науч. ред. Н.В. Серебрянников. СПб. : Академический проект, 2002. С. 220–228.
7. Осповат А.Л., Ронен О. Камень веры (Тютчев, Гоголь и Мандельштам) // Тютчевский сборник / под ред. Л.Н. Киселевой и др. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 1999. Вып. 2. С. 48–55.
8. Янушкевич А.С. «Горная философия» в пространстве русского романтизма (В.А. Жуковский – М.Ю. Лермонтов – Ф.И. Тютчев) // Жуковский и время : [сб. ст.]. Томск : Изд-во ТГУ, 2007. С. 133–161.
9. Янушкевич А.С. Философия счастья в творчестве В.А. Жуковского и Ф.И. Тютчева // Ф.И. Тютчев: Грани поэтического мира : сб. статей / под ред. Н.Е. Меднис. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2007. С. 117–146.
10. Жуковский В. Сочинения. 8-е изд. / под ред. П.А. Ефремова. СПб., 1885.
11. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма : в 6 т. / редкол.: Н.Н. Скотов (гл. ред.), Л.В. Гладкова, Л.Д. Громова-Опульская, В.М. Гуминский, В.Н. Касаткина, В.Н. Кузин, Л.Н. Кузина, Ф.Ф. Кузнецов, Б.Н. Тарасов. М. : Издательский центр «Классика», 2002–2005.
12. Осповат А.Л. К источникам пушкинской темы милость – правосудие («восточная повесть» Ф.В. Булгарина) // ПОЛУТРОПОН: к 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М. : Индрик, 1998. С. 591–595.

13. Лейбов Р. Тютчев и Жуковский. Поэзия утраты // Тютчевский сборник / под ред. Л.Н. Киселевой и др. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 1999. Вып. 2. С. 31–47.
14. Жуковский В.А. Полное собрание стихотворений и писем. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки 1834–1847 / под ред. О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича. М. : Языки славянской культуры, 2004. 768 с.
15. Тарасов Б.Н. Историсофия Ф.И. Тютчева в современном контексте. М. : Наука, 2006. 159 с.
16. Киселев В.С., Владимирова Т.Л. Творческая история статьи В.В. Жуковского «Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”»: публикация и комментарий // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3 (29). С. 109–124.
17. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем / гл. ред. А.С. Янушкевич. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. Т. 11 (первый полутом). 1048 с.
18. Жуковский В.А. Полное собрание стихотворений и писем. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. под ред. О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича. М. : Языки русской культуры, 2000. 839 с.
19. Гузаиров Т. Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. 153 с.
20. Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. Репринтное воспроизведение издания 1886 г. М. : АО «Книга и бизнес», 1997. 327 с.
21. Письма В.А. Жуковского к Его Императорскому Высочеству великому князю Константину Николаевичу 1840–1851. М., 1867. 93 с.
22. Тютчев Ф.И. Россия и Запад / под ред. Б.Н. Тарасова. М. : Культурная революция; Республика, 2007. 574 с.
23. Синицина Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция средневековой концепции (XV–XVI вв.). М. : Индрик, 1998. 414 с.
24. Мильчина В. Об источниках цикла «Наполеон» // Тютчевский сборник / под ред. Л.Н. Киселевой и др. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 1999. Вып. 2. С. 111–114.
25. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти Государе Императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., 1831. 300 с.
26. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск : Изд-во ТГУ, 2004. 403 с.
27. Айзикова И.А. К проблеме контекста иерусалимского проекта В.А. Жуковского (по материалам политической публицистики и религиозно-философской прозы 1840-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 95–112.
28. Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013. 570 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 мая 2018 г.

RUSSIA AND THE REVOLUTION IN THE HISTORIOSOPHICAL INTERPRETATION OF V.A. ZHUKOVSKY AND F.I. TYUTCHEV

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 29–37.

DOI: 10.17223/15617793/431/4

Dmitry V. Dolgushin, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: D_Dolgushin@mail.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky; F.I. Tyutchev; historical philosophy; Russian Romanticism; Napoleon; Jerusalem Project; Greek Project.

This article is the first attempt to start a systematic comparative study of the historiosophical views of the two Russian poets and thinkers – V.A. Zhukovsky and F.I. Tyutchev. This study bases on the journalistic texts, the correspondence of Zhukovsky with Grand Duke Alexander Nikolayevich and Konstantin Nikolaevich, as well as Zhukovsky’s and Tyutchev’s poems of the 1840s. The diversity of the source base demands the diversity of research methods. Methods of historical and philosophical comparative analysis and methods of literary studies are used. The 1840s was the time of a rather intensive personal communication between Zhukovsky and Tyutchev. In the center of their reflection in this period was revolution, which both interpreted not as a political, but as a metaphysical force, anti-Christian in its essence. This understanding is reflected in the poetics of the poems “The Russian Giant” by Zhukovsky and “The Sea and the Rock” by Tyutchev. The poems can be regarded as a kind of a poetic diptych, in which the second poem written by Tyutchev is the religious-philosophic interpretation of the first one written by Zhukovsky. At the same time Tyutchev persistently emphasized Zhukovsky’s barely planned motive of confrontation between Christianity and revolution as two metaphysical forces. Analysis of prose texts shows that Zhukovsky agreed with Tyutchev in his diagnosis of the current state of things (revolution is an anti-Christian power, Europe is powerless before it; Russia can resist it because it has intact Christian faith and undeterred autocracy; Russia is able to save Europe). Tyutchev believed that it was necessary to establish the Greco-Slavic Empire (a revived Byzantium) on the basis of Russia, and, consequently, to access the part of the lands of the Ottoman and Austrian empires, while Zhukovsky was against any conquest, and believed that the salvation of Europe from revolution is possible with the help of the implementation of the “Jerusalem Project” – the peaceful transition of Jerusalem under the control of Christian powers, which would have an uplifting moral effect on Europe. After the implementation of the “Jerusalem project”, Zhukovsky believed, a new era would begin. It was Russia that was to open the door in this new era for, unlike Europe, it preserved intact two guardian principles: the Christian faith and monarchy. Both ideas were genetically related to the foreign projects of the Russian Empire: the idea of Tyutchev to the so-called “Greek Project” and the idea of Zhukovsky to the Holy Alliance.

REFERENCES

1. Kasatkina, V.N. (1994) F.I. Tyutchev i V.A. Zhukovskiy: (Po pis'mam i dnevnikam) [F.I. Tyutchev and V.A. Zhukovsky: (According to letters and diaries)]. In: Anoshkina, V.N. et al. (eds) *Vzaimodeystvie tvorcheskikh individual'nostey russkikh pisateley XIX – nach. XX v.* [Interaction of creative individualities of Russian writers of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
2. Ospovat, A.L. (1988) Zhukovskiy v biografii Tyutcheva [Zhukovsky in the biography Tyutchev]. In: Chudakova, M.O. (ed.) *Chevertye Tynyanovskie chteniya: Tezisy dokladov i materialy dlya obsuzhdeniya* [Fourth Tynyanov Readings: abstracts and materials for discussion]. Riga: Zinatne.
3. Abuzova, N.A. (2005) [“The Day Cycle” in Russian poetry: evening – night (Zhukovsky, Tyutchev)]. *Kul'tura i tekst – 2005* [Culture and text – 2005]. Proceedings of the international conference. Vol. 1. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy. pp. 122–131. (In Russian).
4. Bernevega, S.I. (1995) *Leksicheskie povtory v russkoy liricheskoj poezii XIX v. (V. Zhukovskiy, Fund Tyutchev, Ya. Polonskiy, A. Fet)* [Lexical repetitions in Russian lyrical poetry of the XIX century. (V. Zhukovsky, F. Tyutchev, J. Polonsky, A. Fet)]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
5. Shapurina, A. (2014) Naturfilosofskaya lirika F.I. Tyutcheva v kontekste poeticheskoy epokhi 1820–1830-kh gg. [Natural philosophical lyrics of F.I. Tyutchev in the context of the poetic era of the 1820s–1830s]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. 3. pp. 84–95.

6. Kanunova, F.Z. (2002) “K russkomu velikanu” Zhukovskogo i “More i utes” Tyutcheva: (Ob obshchestvennoy i istoriko-kul’turnoy kontseptsii poetov) [“The Russian Giant” by Zhukovsky and “The Sea and the Rock” by Tyutchev: (On the social, historical and cultural concept of the poets)]. In: Serebrennikov, N.V. (ed.) *Vremya i tekst: istoriko-literaturnyy sbornik* [Time and text: historical and literary collection]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
7. Ospovat, A.L. & Ronen, O. (1999) Kamen’ very (Tyutchev, Gogol’ i Mandel’shtam) [The Stone of Faith (Tyutchev, Gogol and Mandelstam)]. In: Kiseleva, L.N. et al. (eds) *Tyutchevskiy sbornik* [Tyutchev Collection]. Is. 2. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
8. Yanushkevich, A.S. (2007) “Gornaya filosofiya” v prostranstve russkogo romantizma (V.A. Zhukovskiy – M.Yu. Lermontov – F.I. Tyutchev) [The “mountain philosophy” in the space of Russian Romanticism (V.A. Zhukovsky – M.Yu. Lermontov – F.I. Tyutchev)]. In: Yanushkevich, A.S. & Ayzikova, I.A. (eds) *Zhukovskiy i vremya* [Zhukovsky and time]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Yanushkevich, A.S. (2007) Filosofiya schast’ya v tvorchestve V.A. Zhukovskogo i F.I. Tyutcheva [The philosophy of happiness in the works of V.A. Zhukovsky and F.I. Tyutchev]. In: Mednis, N.E. (ed.) *F.I. Tyutchev: Grani poeticheskogo mira* [F.I. Tyutchev: The Facets of the Poetic World]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
10. Zhukovsky, V. (1885) Sochineniya [Works]. 8th ed. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa Glazunova.
11. Tyutchev, F.I. (2002–2005) Polnoe sobranie sochineniy i pis’ma: v 6 t. [Collected works and letters: in 6 vols]. Moscow: Izdatel’skiy tsentr “Klassika”.
12. Ospovat, A.L. (1998) K istochnikam pushkinskoy temy milost’ – pravosudie (“vostochnaya povest” F.V. Bulgarina) [To the sources of Pushkin’s theme of mercy as justice (the “eastern story” of F.V. Bulgarin)]. In: Gippius, A.A. et al. (eds) *ПОЛЫТРОПОН: k 70-letiyu Vladimira Nikolaevicha Toporova* [ПОЛЫТРОПОН: to the 70th birthday of Vladimir Nikolayevich Toporov]. Moscow: Indrik.
13. Leybov, R. (1999) Tyutchev i Zhukovskiy. Poeziya utraty [Tyutchev and Zhukovsky. The poetry of loss]. In: Kiseleva, L.N. et al. (eds) *Tyutchevskiy sbornik* [Tyutchev Collection]. Is. 2. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
14. Zhukovsky, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 14. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
15. Tarasov, B.N. (2006) *Istoriografiya F.I. Tyutcheva v sovremennom kontekste* [Historiosophy of F.I. Tyutchev in the modern context]. Moscow: Nauka.
16. Kiselev, V.S. & Vladimirova, T.L. (2014) The creative history of V.A. Zhukovsky’s article “Letter to Prince P.A. Vyazemsky about his poem Holy Russia”: publication and commentary. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (29). pp. 109–124. (In Russian).
17. Zhukovsky, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 11. Part 1. Moscow: Izdatel’skiy Dom Yazyki slavyanskoy kul’tury.
18. Zhukovsky, V.A. (2000) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 2. Moscow: Izdatel’skiy Dom Yazyki slavyanskoy kul’tury.
19. Guzaïrov, T. (2007) *Zhukovskiy – istorik i ideolog nikolaevskogo tsarstvovaniya* [Zhukovsky as a historian and ideologue of Nicholas I]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
20. Aksakov, I.S. (1997) *Biografiya Fedora Ivanovicha Tyutcheva* [Biography of Fedor Ivanovich Tyutchev]. Reprint of 1886 ed. Moscow: AO “Kniga i biznes”.
21. Zhukovsky, V.A. (1867) *Pis’ma, V.A. Zhukovskogo k Ego Imperatorskomu Vysochestvu velikomu knyazyu Konstantinu Nikolaevichu 1840–1851* [Letters from V.A. Zhukovsky to His Imperial Highness Grand Duke Konstantin Nikolaevich, 1840–1851]. Moscow: tip. T. Ris.
22. Tyutchev, F.I. (2007) *Rossiya i Zapad* [Russia and the West]. Moscow: Kul’turnaya revolyutsiya; Respublika.
23. Sinitsina, N.V. (1998) *Tretiy Rim. Istoki i evolyutsiya srednevekovoy kontseptsii (XV–XVI vv.)* [The Third Rome. Origins and evolution of the medieval concept (15th–16th centuries)]. Moscow: Indrik.
24. Mil’china, V. (1999) Ob istochnikakh tsikla “Napoleon” [On the sources of the cycle “Napoleon”]. In: Kiseleva, L.N. et al. (eds) *Tyutchevskiy sbornik* [Tyutchev Collection]. Is. 2. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
25. Shishkov, A. (1831) *Kratkie zapiski admirala A. Shishkova, vedennye im vo vremya prebyvaniya ego pri blazhennoy pamyati Gosudare Imperatore Aleksandre Pervom v byvshuyu s frantsuzami v 1812 i posleduyushchikh godakh voynu* [Brief notes of Admiral A. Shishkov he made during his stay with Emperor Alexander the First, during the war with the French in 1812 and in the following years]. St. Petersburg: v Tip. Imperatorskoy rossiyskoy akad.
26. Ayzikova, I.A. (2004) *Zhanrovo-stilevaya sistema prozy V.A. Zhukovskogo* [The genre-style system of V.A. Zhukovsky’s prose]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Ayzikova, I.A. (2017) To the problem of the context of V. A. Zhukovsky’s Jerusalem project (on materials of political essays and religious and philosophical prose of the 1840s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 46. pp. 95–112. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/46/8
28. Popovkin, A.A. (2013) *Slavyanskije blagotvoritel’nye obshchestva v Moskve i Sankt-Peterburge* [Slavic charitable societies in Moscow and St. Petersburg]. History Cand. Diss. Voronezh.

Received: 15 May 2018